

Серия «Классика библеистики»
Золотой фонд русской библеистики

**Николай Никанорович
ГЛУБОКОВСКИЙ**

**ХРИСТОВО УНИЧИЖЕНИЕ
И НАШЕ СПАСЕНИЕ**
Библейско-экзегетический анализ
Филип. 2:5-11

© Сканирование и создание электронного варианта:
Кафедра библеистики Московской духовной
академии (www.bible-md.ru) и Региональный
фонд поддержки православного образования и
просвещения «Серафим» (www.seraphim.ru), 2005.

Кафедра
библеистики
МДА

Фонд
«Серафим»

Москва
2005

ХРИСТОВО УНИЧИЖЕНИЕ И НАШЕ СПАСЕНИЕ

Филипп. II, 5-11.

(Библейско-экзегетический анализ.*)

*Въсѧе благодать Господа нашего
Иисуса Христа, яко васъ ради об-
нища б огатъ сый, да вы чищетсю
Его обогатитеся.*

2 Кор. VIII, 9.

Христологический отъль Филипп. II, 5-11 является едва ли не самымъ труднымъ во всемъ Новомъ Завѣтѣ. Это своего рода истинный *crux interpretum*, мучительный для экзегетовъ и, кажется, мало искупительный для читателей... Научная литература по данному предмету настолько громадна, что обнять ее почти невозможно. А по содержанію своему она разнообразна по тому, что тутъ гораздо больше противорѣчій и взаимоотрицаній, чѣмъ сближеній и подкрѣплений, утонченность же построений доводится до такой степени, что самая сущность мыслей оказывается иногда неуловимой; между тѣмъ дѣло касается самыхъ основъ христіанской вѣры, стремясь къ принципіально-му рационализированію ихъ. Въ концѣ концовъ догматика со-

*) Этюдъ трактать быль доложенъ на «Конференції восточныхъ и западныхъ богослововъ» въ г. Новомъ Саду (Сербія) въ среду 7 августа (25 іюля) 1929 г. и вызвалъ продолжительный и живой обмѣнъ мнѣній. Параллельный докладъ на ту же тему со стороны западныхъ коллегъ прочитанъ быль наканунѣ Вѣнскимъ профессоромъ D. Dr. Karl Beth.

всѣмъ поглощаетъ экзегетику и, оставшись въ библейской поч-
вы, превращается въ субъективное «богословствованіе» опаснаго
свойства, когда человѣкъ становится мѣрою божественныхъ ве-
щей. И непримиримый споръ «криптиковъ» и «кенотиковъ» ка-
сается уже эссенціального достоинства Христа Спасителя
по божеству, упраздняетъ истину троичности и подрываетъ
силу благодатнаго искупленія нашего.

Отсюда безспорна для рассматриваемаго пассажа особен-
ная трудность, но самая чрезмѣрность ея вызываетъ сомнѣніе въ
фактической объективности. Нѣтъ ли здѣсь доктринального
преувеличенія и научнаго увлеченія? Таковы ли подлинная,
экзегетическая дѣйствительность? Если «да», то пришлось бы
согласиться, что самъ Апостолъ намѣренно писалъ запутанно и
темно, или же не вполнѣ понималъ обсуждаемый вопросъ и
потому говорить сумрачно и нечетко. Разумѣется, и то и
другое одинаково недопустимо, потому что немыслимо
безусловно. Св. Павелъ отвѣчалъ на опредѣленные конкретные
запросы съ прямою цѣлію удовлетворить ихъ окончательно
и убѣдительно для всѣхъ, а это необходимо требовало прозрач-
ной общепонятности его назиданій. И слушателями ихъ были не
ученые специалисты, не члены разныхъ высокихъ конференцій,
но — въ большинствѣ своемъ — новообрѣщеные простецы
(ср. 1 Кор. I, 26 слл.), долго питавшіеся началами словесъ
Божіихъ (Евр. V, 12). Для такихъ лицъ апостольская пропо-
вѣдь — даже о сокровенныхъ тайнахъ Божіихъ — не могла быть
запутанно-мудреной (ср. 1 Кор. II, 4 слл.) и естественно пред-
полагается общедоступной по своему непосредственному смыслу,
преднамѣченному авторомъ для воспріятія вѣрующихъ.

Значитъ, и для Филипп. II, 5-11 мы должны принять, что апо-
стольское поученіе выражено тутъ точно и обеспечено по свое-
му правильному усвоенію первыми читателями посланія. На
этомъ мы и обязаны сосредоточиться всецѣло, чтобы раскрыть
первоначальную, собственную мысль Апостола, которая непре-
мѣнно должна быть безспорною по своему содержанію. Но въ
этомъ достоинствѣ она остается и библейски-непреложною для
насъ, вѣрующихъ христіанъ, не менѣе, чѣмъ для Филиппійцевъ,
которые видѣли въ ней заповѣдь Божію. Разумѣется, послѣдняя
не ограничивается ближайшимъ практическимъ примѣненіемъ
и всегда бываетъ животворною основой для работы ума и воли.
Посему законны и дальнѣйшія распространенія апостольскихъ

ндей въ томъ или другомъ направлениі соотвѣтственно истори-
ческимъ условіямъ и задачамъ въ развитіи Церкви. Даже пра-
вославно-русскій экзегетъ, епископъ Феофанъ (Говоровъ) сви-
дѣтельствуетъ, что въ Филипп. II, 5-11 св. Павель «всеобъятно и
всесторонне очертиль все дѣло Господа во спасеніе наше...
Догматъ о воплощеніи и искупленіи и о лицѣ Іисуса Христа,
яко Богочеловѣка, изображенъ здѣсь съ такою опредѣленно-
стію, что одно это мѣсто поражаетъ всѣхъ еретиковъ, погрѣ-
шавшихъ въ семъ отношеніи». Но, вѣдь, подобныхъ лжеучи-
телей и лжеученій тогда еще не было среди Филиппійцевъ,
и Апостолъ не имѣлъ ихъ въ виду, а его слова только приспо-
собляются къ позднѣйшимъ проблемамъ. Это употребленіе
христіанскихъ основоположеній для христіанскихъ порожденій
натурально и резонно, но все-же является лишь обусловленною
аппликаціей для новыхъ религіозно-церковныхъ интересовъ.
А послѣдніе варіируются, почему и примѣненія неизбѣжно бы-
ваютъ временно-обусловленными, почерпающими весь свой ав-
торитетъ въ подлинномъ апостольскомъ содержаніи. Эти стороны
необходимо различать со всею строгостію, потому что каждая
имѣетъ свое особое значеніе, полнота же достигается только вза-
имоотношеніемъ ихъ. Экзегетика увѣнчивается «бibleйскимъ
богословіемъ», однако не исчерпывается имъ и постулируетъ къ
догматическимъ обобщеніямъ. Тѣмъ не менѣе въ послѣднихъ
просто вѣтви, вырастающія изъ своего корня, не рѣдко болѣз-
ненные и уродливыя. Тамъ—откровеніе, здѣсь—раскрытие. Для
нихъ мѣра содержанія и авторитета одного качества, но разной
степени. Догматическое развитіе законно и плодотворно, а все-
таки оно возникаетъ изъ бibleйского первоисточника и должно
регулироваться его нормами. На нихъ мы обязаны базироваться
и къ нимъ устремляться при истолкованіи Филипп. II, 5-11.

На что расчитаны эти апостольскія слова, и въ чёмъ спе-
циально они убѣждаютъ читателей?

Къ сожалѣнію, грамматическая связь этого отрывка недостаточно опредѣлена. Преобладаетъ даже такое текстуально-
критическое сужденіе, что ея совсѣмъ нѣть и никогда не было.
Спорить противъ этого тѣмъ болѣе трудно, что все посланіе къ
Филиппійцамъ, отражающее порывы счастливыхъ чувствъ, пріят-
тыхъ воспоминаній и сердечныхъ благожеланій, отличается
такою грамматическою асинхроничностью. Но это же послѣднее
обстоятельство рѣшительно свидѣтельствуетъ, что въ немъ всѣ

частности объединяются внутренне взаимностю, и когда она заканчивается или прерывается, — тут мы находимъ (III, 1; IV, 8) предупреждающее тѣлопись. Посему теперь все дѣло въ идейномъ контекстуальномъ соотношениі. Въ раннѣйшемъ говорилось, что читатели должны быть единодушны и единомышленны и, избѣгая споровъ и тщеславія, всѣ связаны ставить себя одинъ выше другого, чтобы для каждого были главные интересы не свои, а другихъ — въ случаѣ взаимной несолидарности таковыхъ. Это есть самоотреченіе собственного уничиженія ради ближнихъ, съ подчиненіемъ имъ. Но какъ это возможно и для чего нужно? Развѣ въ христіанскомъ обществѣ нѣть фактически ни высшихъ, ни низшихъ? Однако, вѣдь, и въ Филиппійской церкви выдѣляются епископы и діаконы! И при предполагаемомъ взаимномъ безразличіи не водворится ли самая опасная дезорганизація, когда всѣ будутъ взаимно подчиняться, а не окажется повелителя. Это было бы анархическое собраніе рабовъ безъ правящаго господина и — слѣдовательно — безъ объединяющей воли во имя верховныхъ началь, всѣхъ одинаково покоряющихъ. Ясно, что необходимо было указать сущность рекомендуемаго акта, его обязательную норму и плодотворную цѣль. И поскольку все подобное проектируется въ христіанской сфере, — отсюда слѣдуетъ, что искомые моменты должны быть не просто христіанскими, но и всецѣло мотивироваться во Христѣ, какъ единственномъ принципѣ возрожденно-благодатнаго бытія вѣрующихъ на всѣ времена.

При данной ассоціаціи несомнѣнно, что въ дальнѣйшемъ предлагается желательный для дѣла нормативный образецъ, а тогда мы должны безусловно согласиться, что Христосъ рисуется тутъ въ качествѣ основоположительного примѣра взаимнаго христіанского самоуниженія. Это — задача практически-регулирующая, а не отвлеченно-теоретическая; при ней догматические пункты могутъ привлекаться лишь съ этой жизненно-практической стороны. Мы не должны ожидать догматического раскрытия и обоснованія, ибо все направляется къ констатирующей догматической мотивировкѣ. Послѣдняя, конечно, предполагаетъ известное догматическое исповѣданіе, однако ничуть не требуетъ детально разработанной и логически аргументированной доктрины. Для нея довольно общаго признанія, которое обеспечиваетъ для предписываемаго акта абсолютную норму. Но та-

ковая не можетъ быть частнымъ распоряженіемъ даже самаго авторитетнаго лица, поскольку обязательна для всѣхъ и превыше всѣхъ. Въ виду сего текстуальное колебаніе (въ II, 5) рѣщается для меня въ пользу доктрины-повелѣвающаго *φρουεῖσθω*, которое для настоящаго случая заповѣдуетъ надлежащей *modus agendi*. Поэтому и *φροῦησις* будетъ точно опредѣленнымъ въ смыслѣ свойственныхъ христіанину разумныхъ настроеній, какъ факторовъ истинно христіанской жизни. Но первоисточникъ ея во Христѣ, и она должна вполнѣ соотвѣтствовать Ему. Ни больше, ни менѣе! Первое — потому, что христіанину нельзя быть выше Христа; второе же недопустимо по той причинѣ, что вѣрующей морально не можетъ и не имѣть права не воспользоваться дарованными благодатными богатствами (ср. Мѳ. XIII, 12; XXV, 29. Мрк. IV, 25. Лк. VIII, 18; XIX, 26). Этотъ оттѣнокъ и отмѣчается черезъ *καὶ*, которое требуетъ для обсуждаемой сферы (тоѣто ср. III, 16 гес., IУ, 2) фактической пропорціальности у христіанъ со Христомъ. У нихъ именно это настроеніе должно быть внутреннимъ жизненнымъ факторомъ (*ἐν ψυχῇ*) не менѣе, чѣмъ во Христѣ (*ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ*), ибо всѣ, во Христа крестившіеся, во Христа облеклись (Гал. III, 27) и уже не живутъ сами, но живеть въ нихъ Христосъ (II, 20). Очевидно, Господь Спаситель берется въ непосредственной человѣческой приближенности, какъ «Іисусъ», но это не имѣло бы особой достоподражательной важности, если бы являлось одинаково нуждающимся равенствомъ, а не было обогащающимъ снисхожденіемъ добровольного уравненія. Посему и выдвигается напередъ, что это былъ «Христосъ», т.-е. Иисупитель и Спаситель абсолютнаго свойства. Мы не знаемъ христологическихъ концепцій, къ которымъ аппеллируетъ Апостоль у Филиппійцевъ. Но какъ бы бѣщи и бѣдны доктрическимъ содержаніемъ ни были ихъ христологическая созерцанія, — во всякомъ случаѣ они твердо вѣровали въ свое благодатное возрожденіе. Къ нему стремилось все человѣчество и сюда направленъ былъ богодарованный законъ, а успѣха не получалось нимало. Ясно, что эта задача была выше человѣческихъ возможностей и принципіально непосильна для нихъ, постулируя къ чисто божественнымъ фактограмъ, чуждымъ человѣческихъ ограниченій. И вотъ, если эту миссік исполнить Христосъ, то безспорно, что Онъ — Лицо истинно божественное, эссенціально превосходящее всякую земную условность.

Такое исповѣданіе было эмпирически безспорнымъ для Филиппійцевъ, и они повелительно приглашались вложить его со всею адекватностію въ своею жизненномъ построениіи, обязывавшемъ къ спасительному взаимоуниженію. Съ этой только стороны и выдѣляются (II, 6) во Христѣ, какъ таковомъ (§), или небесномъ Спасигелѣ, необходимыя для дѣла черты. А вопросъ шелъ о приниженіи чего-либо высшаго до несвойствен-наго ему натурально уровня. Слѣдовательно, и во Христѣ констатируется именно это превыспренное Его состояніе, но послѣднее получаетъ соприсущую цѣнность лишь при томъ единственномъ условіи, что оно эссенціально и неотъемлемо, можетъ допускать самопожертвованіе, однако никогда не измѣнится по природѣ и не прекратится. Въ этомъ смыслѣ христіанская утра-та жизни есть истинное пріобрѣтеніе ея (Ме. X, 39; XVI, 25. Мрк. VIII, 35. Лк. IX, 24). Напротивъ, всякое временное или случайное отличие тутъ непригодно, ибо по своей натуральной условности неспособно ни производить, ни создавать постояннаго дѣйствія, почему даже блестящій результатъ не бываетъ окон-чательнымъ и нуждается во всегдашихъ повтореніяхъ, какъ видимъ въ отношеніи Ааронова первосвященства и ветхозавѣт-ныхъ жертвъ (Евр. V, 1 сл. VII, 23. IX, 9-10, 25. X, 1 сл.). По этой причинѣ и для спасительного снисхожденія Христа необходимо, чтобы Онъ еще ранѣе обладалъ божескими преимуществами, эссенціальными и неотчуждаемыми, которыя — по этому самому — и не были просто индивидуальными пріобрѣтеніями. Безъ этихъ предпосылокъ не могло бы произойти самого акта уменія, и — значитъ — онъ необходимы въ предшествующей наличности, предваряющей и обусловливающей весь процессъ.

Такъ находимъ, что дальнѣйшая характеристика относится къ докенотическому періоду и описываетъ домірное бытіе, которое потомъ допускаетъ извѣстныя модификаціи въ своихъ проявленіяхъ *ad extra*. Но при послѣднихъ самая личность, конечно, продолжаетъ сохраняться, потому что въ случаѣ персо-нальныхъ превращеній нельзя было бы и говорить о дѣйствіяхъ единаго субъекта во всѣхъ описываемыхъ перипетіяхъ. Онтологическая особенности остаются неизмѣнными по существу и бы-ваютъ всегда «настоящими» для данного лица, какъ это без-спорно и по его пренебесному достоинству. Съ этой стороны *prae. ὑπόρχω* отмѣчаетъ не теперешнюю, — послѣвоплощен-ную временность, а вѣчно сущее бытіе, одинаково пребываю-

шее въ каждый мыслимый хронологический моментъ. Въ такомъ случаѣ оно не могло быть чѣмъ-то благопріобрѣтеннымъ и преходящимъ, когда индивидуальность опять оказывалась бы безъ онтологической опоры.

Въ этомъ отношеніи было до чрезвычайности важно удостовѣрить, что интересующее преимущество не просто практически несомнѣнно для всѣхъ, но составляетъ эссенціальное отличіе, принадлежитъ къ самой природѣ вещи, выражаетъ ея онтологическую типичность. Эта кардинальная особенность необходима въ обсуждаемомъ предметѣ по логическому ходу мыслей и никоимъ образомъ не могла быть опущена въ апостольской трактaciї. Понятно и неизбѣжно, что фраза *οὐχ ἀρπαγὴν ἔγινε* всецѣло обнимаетъ именно и исключительно этотъ специальный пунктъ въ потребномъ для рѣчи смыслѣ, констатируя эссенціальность отмѣченного качества. Этимъ сглаживаются острые раздоры касательно *ἀρπαγῆς* съ утонченными *minutiae minutissimae* школьнаго партизанства и доктринальской скрупулѣзности. Правда, что этотъ терминъ иногда означаетъ заслуженную «награду», добытую «премію», усвоенную законно и достойно, но это употребленіе рѣдко, и ученымъ приходится археологически откапывать его по разнымъ уникамъ. Какъ же могли догадаться объ этомъ Филиппійцы безъ точныхъ предупрежденій? И это тѣмъ менѣе вѣроятно, что связано съ величайшими идеиными затрудненіями. Вѣдь вопросъ идетъ о свойствахъ бытія постояннаго и эссенціальнаго для взятой вещи, и тутъ «пріобрѣтеніе» утверждало бы раннѣйшее «отсутствіе», которое предполагаетъ уже небытіе вообще, или въ опредѣленныхъ индивидуальныхъ качествахъ. Важность не въ способахъ пріобрѣтенія, а въ самомъ фактѣ, что имъ отрицается предшествующая наличность, между тѣмъ она-то и рисуется функционирующою съ типическою неизмѣнностью. Непосредственный смыслъ всѣхъ читателей, начиная съ адресатовъ, всегда усвояетъ слову *ἀρπαγῆς* оттѣнокъ похищенія, узурпаторскаго или воровскаго. Конечно, по формѣ окончанія этотъ терминъ скорѣе указываетъ процессъ дѣйствія, какъ актъ присваиванія, но есть примѣры эквивалентности его съ *ἀρπαγῆ*, а контекстуальная связь дѣлаетъ это несомнѣннымъ для всякаго въ каждомъ частномъ случаѣ. Главное же въ томъ, что когда разумѣется длительное обладаніе, не закрѣпленное легально, — въ немъ

каждый моментъ является активнымъ похищеніемъ, не перестающимъ ни на мгновеніе и — следовательно — всегда процессуальнымъ. Посему мысль ничуть не измѣнится, если мы скажемъ, что то или иное свойство, узураторски захваченное и грабительски удерживаемое, являлось постоянно похищаемымъ и никогда нелегализованнымъ, для всѣхъ безспорнымъ. Все равно, этимъ свидѣтельствуется, что данное «пріобрѣтеніе» уже совершилось, но оно было воровскимъ по происхожденію и похищеннымъ по владѣнію. Успѣшный захватчикъ продолжалъ оставаться счастливымъ воромъ, который всегда присвояетъ себѣ чужое.

Въ нашемъ случаѣ все подобное рѣшительно отрицается и, при томъ, съ двухъ сторонъ. Говорится лишь объ *ѹѹтато* и совсѣмъ не упоминается о возраженіяхъ, естественно ожидаемыхъ при *ѹѹтати*. Отсюда выходитъ, что 1) никто не спаривалъ разумѣемаго отличія, и 2) самъ владѣлецъ по совѣсти считалъ его неотъемлемою собственностью. А въ приложеніи къ контексту все это свидѣтельствуетъ, что описываемое достоинство было постояннымъ, а не усвоеннымъ и временнымъ, т. е. эссенціальнымъ и потому всецѣлымъ, не нуждающимся въ закрѣплении или восполненіи. Тутъ два предложенія оказываются не только тѣсно связанными, но и совпадаютъ между собою, какъ положительное констатированіе и отрицательное подтвержденіе. Тогда дальше имѣемъ, что *ѹѹтати* *ѹѹтато* и *ѹѹтати* *ѹѹтато* относятся къ одному и тому же предмету и тождественны по содержанію. Ничто иное не мыслимо и по свойству самихъ вещей. Еслибы второе являлось новымъ сверхъ предшествующаго, то оно не принадлежало бы къ *ѹѹтато* и — въ наилучшемъ случаѣ — представляло бы лишь доступную возможность. И коль скоро послѣдняя не реализуется даже процессуально, — тутъ неумѣстно упоминать о какомъ-либо присвоеніи, ибо такого не предполагается и не начинается. Дозволителенъ разъ въ лишь контрастъ съ дальнѣйшою рѣчью, что хотя Христосъ могъ ити выше богообразности къ богоизвестру, однако Онъ предпочелъ направиться внизъ къ самоограниченію. Пусть такъ! Но именно отсюда и выходитъ, что — значитъ — богоизвество было для Христа вполнѣ законнымъ и потому совершенно натуральнымъ, фактически даннымъ въ Его эссенціальномъ богообразіи или адекватнымъ съ Нимъ по существу, наиболѣе типическимъ для Него.

Опять находимъ, что *и́морфо́й θεо́й ὑπόρχων* указываетъ такое воспріятіе образа Божія, что это граничить съ полнымъ его усвоеніемъ до тожества. Посему тотъ образъ, какой свойственъ Богу и отражаетъ самое божество, принадлежалъ и Христу по Его всегдашнему бытію. При такой ідейной несомнѣнности подобного вывода, нѣть надобности въ детальной аргументації, которая подрываетъ защищаемый тезисъ самою своею напряженностью. Онъ не нуждается въ излишнихъ усиленіяхъ натянутой апологетики, поелику данъ самыи предметомъ сужденія. Достаточны просто нѣкоторыя иллюстраціи—*e contrario*. Здѣсь и для Апостола и для Филиппійцевъ было незыблѣмо, что по своемъ воплощеніи Христосъ имѣль человѣческое бытіе реально, но тогда и въ раннѣйшемъ будеть таковыи же бытіе божественное. Разница лишь въ томъ, что человѣчество было воспринятымъ и, очевидно, неэссенціальнымъ. Отъ него можно было ожидать, что оно вытѣснить предшествующее и замѣстить, однако это было *σχῆμα*, только по внѣшности приближающее къ человѣку (*ὅς ἄνθρωπος*) и ничуть не упраздняющее основного принципа, неизмѣннаго и неприкосновеннаго при новой формѣ. И если *σχῆμа* отмѣчаетъ уподобленіе, единственно возможное при всегдашнемъ *и́морфѣ*, то послѣднее констатируетъ тожество съ Богомъ по образу бытія или богоравенство.

Говоря вообще, это удостовѣряло, что Христосъ былъ эссеціально божественнымъ лицомъ. Тутъ Апостолъ просто напоминалъ знакомое всѣмъ христіанское исповѣданіе, не внося отвлеченныхъ догматическихъ расчлененій, не для всѣхъ доступныхъ и тѣмъ самымъ затруднявшихъ или подрывающихъ всю аргументацію по ея практической убѣдительности. Въ томъ и особенная важность, что св. Павелъ беретъ за основу своихъ наизданій несомнѣнныя каждому истины, заранѣе обезпечивая равную безспорность для своихъ примѣненій.

Мы видимъ, что Христосъ обладалъ эссеціальною божественностью, а при ней чего мы должны ожидать касательно Его жизни и дѣятельности? Разумѣется, лишь того, что Онъ будеть всегда оставаться въ сферѣ божества и отсюда функционировать во внѣ съ соприсущею божественностью. Это для Него обязательная и исключительная реальность. Посему съ особымъ удареніемъ сказано, что *именно такъ* и было фактически, поскольку Христосъ пребывалъ въ состояніи богоравенства и не считалъ подоб-

ное положеніе похищеніемъ, находя его нормальнымъ и нату-
ральнымъ по своему природному достоинству. Естественно ду-
мается, что этотъ *status* продолжится непрерывно, ибо вполнѣ
соответствуетъ божественному бытію, а измѣнить его никто не
можетъ, кромѣ развѣ самаго божественнаго Христа. Но и для Него
догматически немыслимо, чтобы Онъ внутренно трансформиро-
вался и , будучи Богомъ, пересталъ быть божественнымъ, т.е.
самоуничтожился. Допустимо не болѣе того, что произойдутъ
лишь извѣстныя модификаціи въ формахъ проявленія божествен-
ности, — аналогично древнимъ єеофаніямъ, а онѣ не были
униженіемъ для Бога и не считались низменными ни въ Ветхомъ
Завѣтѣ, ни въ іудействѣ. Поелику же нельзя увеличиваться въ
натуральной божественности, которая принципіально не знаетъ
градаций, то возможно лишь добровольное самоограниченіе, при-
способительное уменіе абсолютности въ нетожественныхъ ей
обнаруженіяхъ. Подобное измѣненіе посильно и достойно Бога
по верховнымъ мотивамъ, но все-таки оно неестественно по при-
родѣ Христа и не можетъ быть постояннымъ, должно быть време-
нно обусловленнымъ по началу и таковымъ же по завершенію,
почему земное человѣчество во Христѣ не могло быть вѣчнымъ
и навсегда удерживается единственно потому, что разрѣщается
обоженіемъ въ превознесенномъ Богочеловѣкѣ-Сынѣ.

Впрочемъ, временное уменіе мыслимо по божественнымъ
планамъ и доступно для божественного существа, а потому
и не противно ему, но только неожиданно по нормальному
порядку. Тутъ ἀλλό (II, 7) подчеркиваетъ не контрастъ,
а лишь указанную неожиданность, которая сейчасъ же мотиви-
руется, что это — временная модификація и она совершена са-
мимъ Христомъ въ отношеніи себя самого, какъ свидѣтельствуютъ
формы аориста и намѣренно выдвинутое напередъ ἕαυτού,
потомъ опять повторенное при описаніи спеціального акта уни-
чиженія. Предъ нами будетъ теперь не новое бытіе, но новый спо-
собъ его реализаціи по сравненію съ предшествующимъ и вполнѣ
натуральнымъ. Послѣднее было состояніемъ богоизначества ста-
тически и динамически, — по положенію и функционированію.
Первая, онтологическая особенность самопонятна и не допускаеть
ни малѣйшихъ превращеній, ибо въ ней даже минимальная
трансформація грозить прекращеніемъ божественности, которая
не можетъ быть ни больше, ни меньше, а всегда едина и тоже-
ственна. Дозволительна рѣчь лишь о формѣ проявленія и функ-

ціонированія вѣчно божественного бытія, а съ этой стороны, напр., премірное и превознесенное состоянія Сына Божія должны имѣть свои типическія особенности. Исключительно и всецѣло къ этому моменту относится *ѧхѹѡсєу*, которое ни въ какомъ смыслѣ не приложимо къ самому бытію по его упраздненію или сокращенію. Но какова же была домірная форма? Она адекватно соотвѣтствовала богоравенству и являлась божественнымъ способомъ бытія, а Богъ «обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, котораго никто изъ человѣковъ не видѣлъ, и видѣть не можетъ» (1 Тим. VI, 16). Это есть немерцающее и ослѣпительное царство велелѣпной (2 Петр. I, 17) славы Божіей (Рим. XV, 17 и ср. 1 Фесс. II, 12; Дѣян. XXII, 11. 2 Кор. III, 7. Евр I, 3. Апок. XVIII, 1), для которой Отцомъ и собственникомъ служить Богъ (Ефес. I, 17. Рим. VI, 4), имѣющій свою вѣчную славу (1 Петр. V, 10). По своему эссенціальному равенству и Сынъ въ довоплощенномъ бытіи, очевидно, обладалъ тожественною славой, свойственной Ему реально до міротворенія (Ін. XVII, 5). Принципіально она всегда остается за Нимъ, какъ Христомъ и Господомъ славы (Іак. II, 1. 1 Кор. II, 8), но именно въ своей, божественной сфере, а по воплощениіи Сынъ вселился среди насть (Ін. I, 14) и жилъ въ человѣческой формѣ приспособительно къ земнымъ условіямъ. Понятно, что здѣсь эта слава не могла обнаруживаться всецѣло и, будучи соприсущею Единородному отъ Отца (Ін. I, 4), лишь «проявлялась» спорадически въ чрезвычайныхъ знаменіяхъ (Ін. II, 11) и исключительныхъ событияхъ. напр., преображенія (Лк. IX, 22. 2 Петр. I, 17). Теперь Христосъ уже долженъ входить въ славу свою (Лк. XXIV, 26), просить ее (Ін. XVII, 5) и получать отъ Отца (Ін. XVII, 22, 24) по Его соизволенію (Филипп. II, 9 *ѧхаріσато*), поскольку и все искупительное служеніе было «по волѣ Бога и Отца нашего» (Гал. I, 4); потомъ Сынъ имѣеть прийти божественно прославленнымъ (Мѳ. XXIV, 20. Мрк. XIII, 26. Лк. XXI, 27) и возсѣсть на престолѣ славы (Мѳ. XIX, 28. XXV, 31), которая — по своей одинаковости — столько же Его (Лк. IX, 26), сколько и Отчая (Мрк. VIII, 38).

Въ результатѣ находимъ, что воплощенный Сынъ Божій въ своемъ земномъ бытіи совсѣмъ не блисталь небесною славой, а она принадлежала къ натуральнымъ свойствамъ Его богоравенства, почему здѣсь было несомнѣнное,—хотя бы временное и добровольное, но реальное — лишеніе или приниженіе, потре-

бовавшее послѣ специального возвышенія (ср. ὑπερύψωσε ст. 9), съ какимъ обычно связывается божественная слава (ср. Лк. II, 14. XIX, 38. Евр. I, 3). Вотъ этимъ собственно и исчerpывалось историческое ἐκένωσεν, которое не было ни умаленіемъ божества («кёнотики»), ни скрытіемъ его («криптики»), а лишь фактическимъ отложеніемъ славы и прекращеніемъ свойственного функционированія. Но въ своей, божественной области послѣднее бываетъ обязательнымъ и непрерывнымъ, по взаимному соотвѣтствію, почему за отсутствіемъ потребной гармоніи прекращается съ переходомъ въ низшую область. Эти моменты хронологически совпадаютъ между собою. Понятно, что κένωσις наступило вмѣстѣ съ воспріятіемъ зрака рабіяго и продолжалось дальше въ разныхъ видахъ земного служенія Христова, которое — сравнительно съ эсценціальнымъ богоравенствомъ — все, съ начала до конца, и во всѣхъ формахъ было Сыновнимъ самоуничиженіемъ. И причина тому понятна. Слава свойственна величію и свидѣтельствуетъ о господственности, которая и принадлежитъ съ этой стороны Христу, какъ «Господу славы» (1 Кор. II, 8). Но въ своемъ земномъ бытіи Сынъ человѣческій былъ умаленнымъ до того, что не имѣлъ, гдѣ главу приклонить (Ме. VIII, 20. Лк. IX, 58). Пропорціонально прежнему положенію, это было уже не господство, а рабство, откуда естественно, что новое состояніе характеризуется въ качествѣ μορφὴ δούλου. (Христосъ фактически уничижился, перешедши на рабскій уровень, а это случилось при воспріятіи человѣчества, поскольку всѣ люди, несмотря на всѣ удостовѣренныя преимущества, остаются ни-чуть не властующими (Евр. II, 6-8). Однако не было тутъ и совершенного очеловѣченія, когда совсѣмъ измѣнился бы самый субъектъ дѣйствія съ полнымъ превращеніемъ прежняго въ новаго. Посему и говорится о неизбѣжномъ при воплощеніи человѣкоуподобленіи, несомнѣнномъ и реальномъ, но болѣе внѣшнемъ и периферическомъ, не затрагивающемъ всегдашняго эсценціального бытія.

Въ этомъ смыслѣ вся воплощенная жизнь Христова принципіально была фактическимъ умаленіемъ по самому ея земному свойству. Но, вѣдь, все это произошло не случайно и фатально. Напротивъ, безспорны въ немъ специальная цѣли, которые должны достигаться именно Сыновнимъ уничиженіемъ (ср. Евр. II, 9 сл.). Значитъ, послѣднее должно было всецѣло

направляться къ нимъ и увѣнчиваться спеціальною концентраціей даннаго рода въ избранномъ процессѣ. Требуется особыи актъ преднамѣченного приспособленія уже въ самомъ «кеносисѣ». Умаливъ себя при воплощеніи, Христосъ теперь въ самомъ свсемъ человѣчествѣ «смирилъ себя» (II, 8) оссбымъ фактическимъ приниженіемъ (аог. ἐτακέψυσεν) сравнительно съ обычнымъ человѣческимъ ордиаромъ, который, самъ по себѣ, вовсе не былъ низменнымъ, будучи нормальнымъ для человѣчества. Именно въ немъ и производится дальнѣйшее умаленіе, когда Христосъ дѣлается ὑπόκοος. Это есть соподчиненіе другимъ, становленіе подъ нихъ. Оно свойственно рабскому положенію (II, 7), но не обязательно въ немъ безусловно, ибо самая рабственность является лишь соотносительна съ богоравною господственностью и въ земной сфере можетъ подавляться человѣческимъ величіемъ, которое предполагается и Христовымъ «послушаніемъ». Тѣмъ болѣе не представлялась неизбѣжною смерть, и даже по самимъ искупительнымъ планамъ какъ будто предполагалась возможность обойтись безъ нея (Ме. XXV, 39, 42. Лк. XXII, 42. Евр. V, 7). Съ этой стороны оказывается, что въ самомъ человѣческомъ бытіи Христосъ еще дальше уничижилъ себя, подчинившись всецѣло земнымъ ограниченіямъ вплоть до смерти. При такомъ «смиреніи» — съ отказомъ отъ всякаго господства и борьбы — послѣдняя являлась, конечно, неизбѣжной, однако ничуть не должна быть непремѣнно позорной, которая — въ контрастъ общему порядку ($\delta\acute{e}$) — была бы неожиданнымъ и отягчающимъ прибавленіемъ, а въ нашемъ случаѣ Христосъ былъ ὑπόκοος μέχρι θαυμάτου, θαυμάτου δὲ σταυροῦ.

Этимъ у Господа Спасителя и закончилось земное поприще. Все оно представляеть для разума «великую благочестія тайну» (I Тим. III, 16), ибо во всѣхъ своихъ моментахъ не мотивировано натуральною причинностію. Воплощеніе не требовалось эссенціальнымъ богоявленствомъ, не вытекало изъ него прямо и было униженіемъ предъ нимъ. Вочековѣченіе — даже въ своей рабственности — не вело непремѣнно къ подчиненію и усугубляло естественную приниженность. Въ ней смерть неизбѣжна, но вовсе не предполагаетъ специальный позорности въ видѣ крестной казни. Все тутъ неестественно и непонятно. Но — поскольку исключительнымъ субъектомъ былъ Божественный Дѣятель по волѣ Отца, — мы обязаны признать всѣ эти акты божественно избранными средствами для осуще-

ствленія спасительныхъ намѣреній Божіихъ. И послѣднія реаль-
но нашли абсолютное исполненіе, поелику были доведены до
самаго крайняго конца. Въ этомъ отношеніи уничиженіе являет-
ся богоустановленнымъ путемъ къ славѣ (ср. Евр. II, 9-10).
Но для Христа въ этомъ не было ни этической, ни фактической
необходимости. Все допускалось добровольно по чисто божествен-
ному самопожертвованію. Это былъ чрезвычайный подвигъ,
который непремѣнно долженъ былъ дать соотвѣтственный ре-
зультатъ и объективно и субъективно. Отсюда *διό* (II, 9) не об-
основываетъ и не извлекаетъ логически, а просто констатируетъ фак-
тическій итогъ. Для дѣла онъ понятенъ самъ собою, ибо искомая
цѣль достигнута и успѣхъ безспоренъ. Для лица же незыблемо,
что если «всякъ смиряйся вознесется» (Лк. XIV, 11. XVIII, 14),
то тѣмъ болѣе должно было возвеличиться «божественное исто-
щаніе» ради блага людей по самоотверженной любви къ нимъ
(ср. Ін. XV, 13). Соотвѣтственно сему (*καὶ*) Богъ и возна-
градилъ Испупителя возвышеніемъ достойнаго урѣнчанія. Это
есть, конечно, возвращеніе къ прежней славѣ, но разъ въ ней
участвовало и человѣчество, то для Спасителя, какъ Богочело-
вѣка, тутъ было превознесеніе сверхъ всякихъ мыслимыхъ
предѣловъ, когда Онъ «возшелъ превыше всѣхъ небесъ» (Ефес.
IV, 10) и сталъ «превыше всякаго начальства, власти, и силы и
господства» (Ефес. I, 21. 1 Петр. III, 22).

Бо, человѣческое величіе было чрезвычайное, исключитель-
ное и ни съ чѣмъ несравнимое. Законно, что — по взаимному
соотвѣтствію (ср. Евр. I, 4) — Христосъ получилъ отъ Отца и
преславнѣйшее «имя, еже паче всякаго имени». Безполезно гадать
о немъ и спорить. Мы знаемъ лишь одно, что Богъ вознесъ Христа
«превыше всякаго имени, именуемаго не только въ семъ вѣкѣ,
но и въ грядущемъ» (Ефес. I, 21). Оно принадлежало къ тѣмъ
небесно-райскимъ «словамъ, которыхъ человѣку нельзя пересказать» (2 Кор. XII, 4), и было истинно «неизреченнымъ»,
параллельнымъ *schem hamphorash* для Іеговы. Важнѣе
то, что равнымъ ему было самое реальное достоинство (ср.
Евр. I, 4), поразительное по неисчислимой степени и по неот-
разимому вліянію. Необходимымъ являлось всецѣлое подчине-
ніе ему. И намъ известно, что Богъ «все покорилъ подъ ноги»
превознесенного Христа (Еф. I, 22; 1 Кор. XУ, 27), но въ этомъ
была и предложенная фактическая цѣль (*ἵνα*) Христова
уничиженія, чтобы всѣ и все добровольно подчинились спа-

сительному величию Христову, а для сего послѣднее должно быть ослѣпительно-яркимъ. И вѣрно, что «Богъ мира, воздвигшій изъ мертвыхъ Пастыря овецъ великаго кровю завѣта вѣчнаго» (Евр. XIII, 20), совершилъ такъ, что Господь «вознесся во славу» (1 Тим. III, 16), которая своею божественностию и привлекала и подчиняла абсолютно. Естественно, что предъ нею неизбѣжно склонились всѣ области бытія — небесныя, земныя и преисподнія (II, 10) въ видѣ небожителей, здѣшнихъ людей и подземныхъ обитателей *). Величие Христово всеобъемлюще и всюду сопровождается побѣднымъ торжествомъ, но не вездѣ спасительно воспринимается по душевному согласію, хотя всѣмъ и одинаково предлагаетъ свои блага. Абсолютность расчитана на всеобщую животворность и требуетъ сознательныхъ участниковъ. Посему наряду съ нею (*καὶ*) выдѣляются (II, 11) убѣженные исповѣдники (*εὐολογούσται*), которые смиренno и глубоко постигаютъ искупительную тайну Христова уничиженія, словомъ и жизнью громко провозглашаютъ, какъ свою искупительную вѣру, что Иисусъ Христосъ по своему превознесенному богочеловѣческому «господству» (*Κύριος*) былъ, есть и будетъ «въ славу Бога Отца», какъ носитель ея и сообщитель всему миру, «да будетъ Богъ все во всемъ» (1 Кор. XV, 28).

Объединяя теперь весь кругъ разсмотрѣнныхъ мыслей, мы приобрѣтаемъ слѣдующіе тезисы: 1) Христосъ чомірно былъ эссенціально божественнымъ существомъ и располагалъ всѣми преимуществами богоявленаго бытія, но 2) временно пожертвовалъ ими, отказавшись отъ свойственной славы, ради высшихъ спасительныхъ интересовъ, для которыхъ принялъ уничиженіе вочеловѣченія и искупительныхъ страданій, а 3) по реализаціи своихъ цѣлей достигъ богочеловѣческаго превознесенія и всеобщаго прославленія Отчаго.

Это — итогъ доктринальской, который практически гласить, что всякий истинный успѣхъ обезпечивается самоотверженнымъ служеніемъ благу другихъ чрезъ пожертвованіе для нихъ всѣми отличіями или достоинствами при всякихъ жизненныхъ потребностяхъ и нуждахъ.

Отсюда назиданіе для Филиппійцевъ, чтобы они не обосновались эгоистически и не замыкались въ горделивомъ превос-

*) Ср. Ignatii ad Trallianos, 9 (Migne gr. V, 681): ἀληθῶς ἐπτυχοῦθε
καὶ ἀπέθκνεν, β) επόντων τῶν ἐπουράνιων καὶ ἐπιγείων καὶ ὑποζεύκτων.

ходствѣ, но соподчинялисъ взаимными услугами съ самоотречениемъ, которое, будучи всеобщимъ и всецѣльнымъ, всѣхъ дѣлаетъ достаточными и преизобильными «во всякомъ словѣ и дѣлѣ блазнѣ» (2 Тесс. II, 17). Однако такое самоограниченіе не означаетъ ни намѣренного оскудѣнія, ни реальной низменности: — тогда наступили бы повсюдная бѣдность и безъизятное паденіе до трагической безпредѣльности, если всякий будетъ усиленно стараться только о томъ, чтобы непремѣнно быть ниже всѣхъ прочихъ. Тутъ ни для кого ни малѣйшей пользы и неизбѣжная гибель для каждого. Надо совсѣмъ обратное, чтобы всѣ по благодати Божіей обогащались всякими доблестями и именно ими самопожертвенно пользовались для блага близкихъ. Въ этомъ спасительномъ самоотречениѣ ради прощанія другихъ заключается благословенный залогъ нормального церковнаго развитія.

А поскольку наши совѣщанія стоять въ связи съ современными уніональными церковными движеніями, — здѣсь апостольской завѣтъ и для насъ, чтобы мы не сосредоточивались на разъединяющихъ конфесіональныхъ особенностяхъ, а — каждый въ своей сферѣ и вѣрѣ — преуспѣвали въ общехристіанскихъ связующихъ преимуществахъ и ими дѣлились безгранично и безкорыстно, да будемъ всѣ благодатно преизобильно въ спасительной тайнѣ Божіей, которая есть Христосъ, упованіе славы (Кол. I, 27).

Профессоръ Николай Глубоковскій.

Г. Софія (Болгарія).

1929, VII, 4 (VI, 21) — четвергъ.

КАФЕДРА БИБЛЕИСТИКИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

www.bible-md.ru

Кафедра библеистики — учебное и научное подразделение Московской духовной академии (<http://www.mpda.ru>), обеспечивающее преподавание более 20 дисциплин. Заведующий кафедрой — протоиерей Леонид Грилихес. Основное научное направление кафедры — разработка углубленного курса святоотеческой экзегетики с привлечением широкого контекста всех современных библейских исследований.

Проект по созданию электронных книг

Проект осуществляется совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и просвещения «Серафим». В подготовке книг принимают участие студенты кафедры. Куратор проекта — преподаватель священник Дмитрий Юрьевич. Электронные книги распространяются на компакт-дисках в формате pdf и размещаются на сайте.

На сайте кафедры
www.bible-md.ru

- ✓ электронные книги для свободной загрузки
- ✓ информация о кафедре, ее преподавателях, новостях, учебном процессе
- ✓ информация об издаваемых кафедрой новых книгах
- ✓ методические материалы по библеистике
- ✓ пособия и источники для изучения Священного Писания

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ПОДДЕРЖКИ
ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ПРОСВЕЩЕНИЯ
«СЕРАФИМ»**

www.seraphim.ru

Фонд является независимой филантропической организацией, предоставляющей финансирование широкому кругу православных образовательных проектов высших учебных заведений Русской Православной Церкви.

Деятельность Фонда не ограничивается помощью в развитии материально-технической базы духовных учебных заведений. Наша главная задача — многоуровневое финансирование научно-исследовательской деятельности, воссоздание целостной и животворной академической среды в православных образовательных центрах.

Проект по созданию электронных книг является одним из ряда проектов, осуществляемых Фондом совместно с Кафедрой библеистики Московской духовной академии.

На сайте Фонда
www.seraphim.ru

- ✓ **информация о деятельности Фонда**
- ✓ **информация о проектах, осуществляемых Фондом**
- ✓ **контактная информация для связи с представителями Фонда**
- ✓ **возможность заказа он-лайн книги и компакт-диски, подготовленные к изданию при участии Фонда**